

Вячеслав Яковлевич Шишков родился в 1873 г. в Бежецке Тверской губернии. Окончив строительное училище, он в 1894-м приехал работать в Томский округ путей сообщения и связал себя с ним на двадцать один год как изыскатель наиболее удобных водных и сухопутных коммуникаций. Положив лучшее время жизни на службу Сибири, Шишков считал её своей второй родиной. В общественной жизни Томска он принимал деятельное участие – состоял в президиуме Общества изучения Сибири, сотрудничал с Обществом попечения о народном образовании, участвовал в Литературно-художественном кружке.

Его первая публикация оказалась весьма поздней: в тридцать пять лет в томской газете «Сибирская жизнь» он напечатал лирическую сказку «Кедр».

В ту пору Томск был интеллектуальным центром Сибири, и Шишков органично попал в круг здешних учёных и творческой интеллигенции. Почётное место среди его знакомых занимал Г. Н. Потанин, великий общественный деятель Сибири, пытавшийся формировать местную интеллигенцию и взывавший к пробуждению гражданского самосознания. Именно он наказал Шишкову «писать и писать», а о персонажах рассказа «Ванька Хлюст» заметил: «Эти лица великолепно, выпукло обрисованы», и вообще в изображении у Шишкова «всякое пятнышко, всякая пушинка видны». Шишков сетовал, что в его рассказах «слог чаще на простую беседу смахивает», однако читателя как раз брало за душу простое изложение событий и очень точная передача речи. О чём бы Шишков ни писал, он всегда старался выявить наиболее значимые черты человека или ситуации, чтобы читатель вник в психологию купца, переселенца, бродяги, тунгуса и уловил суть проблем, болезненных для человека и для общества. Шишков часто указывал на то, что границы взаимопонимания обусловлены социальными и национальными рамками, мешающими понять чужую душу, а в человеке надо прежде всего видеть человека.

Сюжет о самосуде над бродягами вырос в повесть «Тайга». Название символично, ибо тайга дана как образ душевной и духовной глухомани. Общественный уклад навязывает людям дикие отношения, да и у самих нутро греховное. После молебна – поножовщина, Бога в душе даже у попа нет. Понять чужую правду никто не желает. «Нет, – утверждают, – ты заодно с миром грешил...». «Они кто?» – говорят про бродяг. – «Они, собаки, в Расее людей режут, а их сюда?.. Чтоб нашу сторону гадить?!» Убивают, а после каются. Дед Устин, чтобы вернуть ушедших на убийство, запалил свой дом, а потом вовсе ушёл, – и Шишков буквально настаивает на том, что не стоит село без праведника: над людьми разразилась гроза. Они опаматовались, но поздно. Шишков понимал, что социальные перемены окажутся безрадостными, если человек не преобразится к лучшему, и, поставив эпиграфом слова из послания апостола Павла: «Но мы нового небеси и новой земли чаем, где правда живёт», – уже и сам выделил главное: «Русь! Веруй! Огнём очищаешься и обелишься. В слезах потонешь, но будешь вознесена».

Газета «Сибирская жизнь» назвала «Тайгу» самым значительным произведением о крестьянской Сибири за последние десятилетия. Пожалуй, стоит с этим согласиться.

Изучив фарватеры многих рек, от Иртыша до Лены, Шишков в 1913 г. стал начальником партии по исследованию Чуйского тракта. Он предложил оптимальный вариант пути без мостов и переправ, но из-за I Мировой войны работу прекратили, а Шишкова как выдающегося инженера в 1915 г. пригласили работать в Петрограде в управлении шоссежных дорог. По делам он побывал в Томске ещё однажды, в конце 1916-го.

Расставшись с Сибирью, он не желал расставаться с нею в своём творчестве («...я переполнен впечатлениями, которых хватит на всю жизнь...») и отобразил Сибирь и в рассказах, и в романе «Ватага», в котором живописал кровавую бойню Гражданской войны на юге Томской губернии.

Бывший комиссар чапаевской дивизии, писатель Д. А. Фурманов заявил, что в «Ватаге» Гражданская война дана в «смердящем виде», а Шишков потрясает «смелостью утверждений. Опасность от «Ватаги» усугубляется тем, что написана повесть хорошо, читается с большим захватом!»

Полуоправдываясь, Шишков говорил, что «все описываемые события сдвинуты с исторического фокуса, характеристики и характеры действующих лиц сгущены, и внешней стороне романа придана эпическая, полусказочная форма... Зыковщина – это горючая накипь в народном движении... И как бы жестока и уродлива ни была трагедия ватаги Зыкова, она всё же полна народным страданием, отчаянием и гневом...».

Кузнецкий Алатау, где происходит действие романа, Шишков прекрасно знал, а в основу сюжета положил захват Кузнецка анархистским отрядом Рогова в декабре 1919-го. Писатель В. Я. Зазубрин, ранее осуждавший Шишкова, побывал в Кузнецке и понял, что Шишков оказался прав, – и не семьсот жителей было убито, а две тысячи, половина города: «Их, безоружных, просто выводили из домов, тут же у ворот раздевали и зарубали шашками. Особо «именитых» и «лиц духовного звания» убивали в соборе. Редкая женщина или девушка в Кузнецке избежала гнусного насилия. Рубились люди, так сказать, по «классовому признаку». Именно: руки мягкие – руби, на пальце кольцо или следы от него – руби...». Отрубали головы, это назвалось «красить шею». Читателей ужасала сцена распилки человека, но один из бывших роговцев написал Зазубрину: «Факт распилки колчаковских милиционеров Миляева и Петрова общеизвестен и в особых подтверждениях не нуждается».

По словам автора, он хотел «поставить в центре романа психологию масс, лишённых идейного руководства», и «вскрыть душу руководителя ватаги...». Вместо анархистов у Шишкова появились староверы, громящие храмы и убивающие священников, – это понадобилось, дабы сказать, что изначально разлом произошёл не в

обществе, а в человеческой душе, взыскующей истину и слепой к различению добра и зла. «Она веками тоскует о правде – русская душа, – писал он, – но сказка ещё творится, и Великая Совесть ещё не народилась на земле». Однако Зыков, не понимающий, что делает, выглядел у Шишкова романтическим разбойником, не убедительным в своей нарочитости: слишком короток был срок для появления вполне объективного произведения, слишком остро воспринимались недавние события, и литераторы ещё искали нужный угол зрения. Запечатлённый в «Ватаге» «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» (по выражению Пушкина), требовал беспристрастного воплощения, а для этого существовала лишь одна возможность – историческая проекция, позволяющая всё увидеть в подлинном масштабе.

Жестокость этого мира Шишков чётко воплотил в финале романа. Все погибают, никого не простив. Зыков не хочет жить в мире, где не будет веры, умирающий комиссар требует убить свою сестру за её любовь к Зыкову, а та в гордыне кончает сама с собой.

В 1933 г. Шишков опубликовал роман «Угрюм-река», над которым трудился полтора десятка лет. Образ Нижней Тунгуски как Угрюм-реки стал образом потока жизни. «Главная тема романа, так сказать, генеральный центр его, возле которого вихрятся орбиты судеб многочисленных лиц, – это капитал со всем его специфическим запахом...» – так определил Шишков идею своего произведения. Герой «Угрюм-реки», купец Прохор Громов, поначалу мечтал, что «оживит этот мёртвый край», но жажда наживы оказалась сильнее.

Шишков последовательно показал гибель Прохора как личности. «Я ни во что не верю», – говорит тот. – «Ищу точку опоры и не могу найти», – теряет рассудок и кончает самоубийством. «Мы суём свои человеческие масштабы в колесо истории», которая ломает людей, – полагал Шишков, но верил, что при иных социальных условиях вместо Угрюм-реки всё-таки потечёт «река Радости». Он считал «Угрюм-реку» своим главным произведением, заявлял, что родился ради него, и на критику отвечал: «...я знаю только один закон: писать надо правдиво».

Он скончался в 1945 г., чуть-чуть не успев завершить десятилетний труд над хроникой «народной трагедии» о пугачёвщине и не дожив два месяца до полной победы в Великой Отечественной. Между прочим, уже в начале войны он утверждал, что перелом наступит тогда, когда на фронтах появятся сибиряки.

Николай Серебрянников